вания), и секулярным гуманистам, и при этом сделала бы уроки интересными для детей и обеспечила религиозную толерантность в обществе. Хотя Барнс, будучи одним из крупнейших специалистов в своей области, четко видит ключевые проблемы преподавания религии в школах и пытается их решить, подобная амбициозная задача кажется невыполнимой в принципе. В обществе отсутствует консенсус относительно школьных уроков по религии. Одна часть религиозных людей не хочет, чтобы их детям преподавали религиозные истины со светских позиций, другая противится получению их детьми знаний о других религиях, а некоторые родители и вовсе не считают нужными уроки о религии, предлагая заменить выделяемые на них часы, например, информатикой или математикой. Кроме того, чрезвычайно сложно пройти между Сциллой и Харибдой, совмещая светский непредвзятый подход к преподаванию различных религий с обсуждением «религиозных истин», «духовности» и «религиозного опыта», при этом не обойдя вниманием и светский гуманизм.

С другой стороны, растущее разнообразие и столкновение культур ставят нас перед необходимостью научиться находить общий язык, и сами попытки такого поиска оставлять нельзя.

Ольга Михельсон, Николай Поляков

***Белякова Н.А., Добсон М.* Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР. 1940–1980-е гг. Исследование и источники. М.: «Индрик», 2015. — 512 с.**

DOI: http://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-4-314-323

В постсоветский период в России издано и продолжает издаваться большое количество сборников документов из государственных архивов, нередко из ранее засекреченных фондов. Это относится и к теме истории христианства, в частности, истории русского протестантизма. Сама по себе такая работа бесценна. Благодаря ей, стали открытыми и введены в научный оборот тысячи уникальных документов. Кроме того, новые возможности позволяют историкам, традиционно «привязанным» к архивам своих регионов, перейти

на качественно новый уровень исследования.

Но, к сожалению, не всегда такие сборники документов соответствуют современным научным требованиям. Среди распространённых недостатков — случайный, логически не объяснённый подбор документов, недостаточное внимание к комментариям и даже полное их отсутствие — хотя бы справочного характера. Публикаторы как бы передают архивные материалы на полное усмотрение читателей, игнорируя необходимость источниковедческого анализа, а порой и выявления подлинности. Эти наспех сделанные сборники (примеры приводить нет смысла) напоминают спешные и небрежные, хотя и сенсационные по содержанию, публикации документов из «царских» архивов в первые годы советской власти (с той разницей, что тогда было не принято называть это «научным исследованием», а публикатора «автором монографии»). К счастью, непрофессиональный подход к публикации источников, характерный для 1990-х годов, постепенно уходит из практики.

Работа Надежды Беляковой и Мириам Добсон «Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР...» демонстрирует высокий уровень современного исследования. Во-первых, это действительно очень добротно сделанный сборник уникальных исторических документов с источниковедческим анализом и комментариями, а во-вторых, научная монография, первое крупное исследование, посвящённое женщинам в русском протестантизме. При этом авторы используют междисциплинарный подход (история, религиоведение, источниковедение, гендерные психология и социология).

Важно сразу определить значение термина «евангельские общины». Понятия «евангельское движение», «евангельские церкви» и т. п. довольно часто используются в современных публикациях о протестантизме, особенно в работах так называемых конфессиональных авторов. Недостаток этих терминов состоит в их неясности, размытости. Даже в кругу конфессиональных авторов отсутствует общепринятое, чёткое объяснение, какие конфессии имеются в виду, по каким признакам они выделяются в особую категорию и чем отличаются от церквей «неевангельских».

В данном случае авторы сразу оговаривают, что под евангельскими общинами подразумеваются две протестантские конфессии — евангельские христиане-баптисты

(ЕХБ) и христиане веры евангельской (ХВЕ), или пятидесятники. Применительно к послевоенной эпохе это логично и не нуждается в дополнительных пояснениях, поскольку те и другие, по крайней мере, формально, входили в единый Союз ЕХБ. В дальнейшем мы также будем использовать термин «евангельские общины» применительно к этим двум общинам.

Теперь о тематике исследования, довольно редкой для российского исторического религиоведения. Хотя интерес к истории русского протестантизма остаётся на подъёме, в большинстве работ «женская» тема находится на периферии авторского внимания. Немногие женщины, интересующие историков, — в основном, либо жёны и дочери видных служителей (например, дочери И. В. Каргеля), либо отдельные незаурядные личности, незамужние или вдовы, посвятившие жизнь христианскому служению: например, Елизавета Черткова, пригласившая в Санкт-Петербург лорда Редстока, бывшая фрейлина Мария Мясоедова, ставшая офицером Армии Спасения... Впрочем, биографии даже самых известных женщин изучены недостаточно. Среди немногих публикаций на эту тему — «Альманах по истории русского баптизма», выпуски 2 и 4[7], подготовленные М.С. Каретниковой.

Рецензируемая книга включает семь глав, состоящих из авторского текста и подборки документов с комментариями. Содержание и типы представленных источников очень разнообразны: материалы советского делопроизводства, прежде всего, уполномоченных по делам религий; воспоминания и интервью верующих; церковные документы; публикации самиздата; письма и обращения правозащитного характера и др. Многие источники впервые введены в научный оборот.

Чтобы понять региональные особенности жизни евангельских общин, авторы выделили несколько населённых пунктов

7. Выпуск 2 посвящён истории петербургской церкви ЕХБ. Помимо исторического очерка, написанного М.С. Каретниковой, где рассказывается и об участии женщин в т. н. Петербургском пробуждении, в сборник включены: воспоминания А.И. Каревой, очерк С.В. Севастьянова о М.П. Мясоедовой, выдержки из писем Елизаветы и Марии Каргель, рассказы Веры Шельпяковой. См.: Альманах по истории русского баптизма. Вып. 2. Спб.: «Библия для всех», 2001. Выпуск 4 посвящён жизни и деятельности И.В. Каргеля (1849 — 1937). Среди других публикаций — материалы о его дочерях Елене, Елизавете и Марии Каргель. См.: Альманах по истории русского баптизма. Вып. 4. Спб.: «Библия для всех», 2009.

трёх стран бывшего СССР: России (Москва, Московская область, Тамбов), Украине (Киев, Черновцы), Латвии (Рига). Условно в монографии можно выделить три основные темы: женские судьбы, статус, семейные отношения (главы 2, 5); женщина и церковные практики (главы 1, 3); правозащитная деятельность женщин (главы 4, 6, 7).

Авторы справедливо указывают, что в послевоенные годы численный перевес женщин был характерен не только для евангельских общин, но и для советского общества в целом, особенно в отдельных регионах. Основная причина — массовая гибель мужчин в годы репрессий и Великой Отечественной войны; в мирное время их продолжительность жизни также была ниже, чем у женщин. В сельской местности мужчины в массовом порядке уезжали на заработки или отправлялись на «восстановление народного хозяйства» в принудительном порядке. В СССР создавались целые города с большим численным перевесом женщин или мужчин (в зависимости от «профиля» местных предприятий). Однако, как считают авторы, социально-исторические обстоятельства лишь отчасти объясняют причины, поскольку в евангельском сообществе гендерный перевес был гораздо значительнее, чем в целом по стране: в общинах число женщин составляло от 70% до 100 %. Именно они оказывались самыми верными и последовательными христианскими адептами в атеистическом окружении; они сохраняли общины от вымирания, приводили туда детей и других родственников, заменяли мужчин в служениях. Причём, лидерские качества — мужество, верность, последовательность в сочетании с религиозной активностью, энергией и смекалкой — были достаточно массовым явлением, свойственным не только отдельным одарённым женщинам. Не претендуя на полноту исследования, Н. Белякова и М. Добсон рассматривают жизнь верующих женщин в различных контекстах — семейном, церковном, общественном.

Одиночество, бедность, плохие жилищные условия, необходимость без помощи мужа содержать семью и растить детей были участью многих советских женщин. Но христианки находились ещё и в положении социальных изгоев, перенося общественное давление, дискриминацию, а подчас и прямые гонения. С другой стороны, женщина из евангельской общины имела определённые преимущества. Вера в Бога делала её жизнь осмыслен-

ной и не столь беспросветной, как у многих атеисток. Кроме тяжёлого труда и каждодневных забот, она знала возвышенные радости: духовное ободрение от молитвы, богослужений, праздников, тёплую братскую атмосферу в церкви, общение с единоверцами, реализацию своих способностей в служении... Эти преимущества особенно ярко проявились во времена «позднего социализма». Как отмечают Н. Белякова и М. Добсон, баптистская молодёжь (включая девушек) «имела большие возможности для социальной и географической мобильности: практически в каждом городе имелись единоверцы, которые готовы были принять, поселить. У баптистской молодёжи, несмотря на дискриминацию в области образования, [...] имелся альтернативный круг чтения и слушания, баптистская молодёжь всегда была хорошо „технически оснащённой“ — у них были фотоаппараты, магнитофоны, диктофоны, электрогитары и прочая дефицитная для советского обывателя техника; молодёжные слёты собирались в самых разных концах СССР (с. 50-51)».

У русских протестантов не сложилось настоящего культа семьи, как важной части христианской жизни. Существенная причина — уже упомянутый гендерный перекос в евангельских общинах, в результате которого значительная часть девушек и женщин были обречены на одиночество. Женатые мужчины рассматривали церковное служение в качестве приоритета, тогда как забота о семье и воспитание детей считались обязанностью женщин. В этом смысле характерны приведённые в монографии слова пресвитера А.Н. Карпова на похоронах Пелагеи Созонтовны, жены председателя ВСЕХБ Я.И. Жидкова: «Если бы дорогая сестра не взяла на свои плечи воспитание детей, то я сомневаюсь в том, что Яков Иванович мог нести то служение в церкви, которое он несёт в настоящее время» (с. 46). По-видимому, Карпов выразил довольно распространённое мнение, что долг идеальной жены-христианки — максимально освободить мужа-служителя от его семейных и отцовских обязанностей.

В то же время, в протестантской среде не сложилось и уважения к безбрачию, как форме посвящённости Богу, характерного, например, для православия. Даже в тех случаях, когда девушки-христианки сознательно отказывались от замужества ради служения Богу, они могли встретить со стороны единоверцев непонимание и пренебрежительное отноше-

ние, как к неудачницам, у которых не сложилась жизнь. Например, по воспоминаниям работницы подпольного издательства «Христианин» Любови Богдановой, ей доводилось слышать подобные отзывы о себе и своих подругах по подполью, хотя, по крайней мере, некоторым из этих девушек неоднократно делались предложения[8].

Приведённые в монографии интервью с женщинами-христианками, как замужними, так и одинокими, помогают выявить определённые парадигмы судеб. Независимо от своего семейного статуса, женщины участвовали в церковной жизни и даже в важных исторических событиях. Например, воспоминания Ольги Мурашкиной (жены епископа ОЦ ХВЕ В.Г. Мурашкина, в девичестве — Захаровой) включают не только историю её духовного обращения, но также обстоятельства появления общины ХВЕ в г. Малоярославец Калужской области после приезда туда Ивана Федотова (с. 135–139). И.П. Федотов (1929–2011), будущий начальствующий епископ Объединённой Церкви (ОЦ) ХВЕ, в 1961 году был осуждён на 10 лет за религиозную деятельность, в том числе по ложному обвинению в попытке жертвоприношения девочки (реабилитирован в 1996 году)[9]. После выхода из заключения и женитьбы на Валентине Башмаковой он поселился в г. Малоярославце, где имелась маленькая группа пожилых пятидесятников. Благодаря самоотверженной, энергичной деятельности Федотова, группа со временем стала одной из крупнейших общин ХВЕ в РСФСР, а Малоярославец — своеобразным духовным центром нерегистрированных пятидесятников[10]. Однако, важно отметить, что при всей незаурядности личности И.П. Федотова, значимую роль в создании общины ХВЕ сыграли именно женщины, первыми поддержавшие его и признавшие своим пастырем.

Некоторые архивные документы опубликованы авторами не полностью, в этих текстах опущены отдельные слова (главным образом, фамилии, адреса) или абзацы. Такая форма помогает выделить наиболее важные, по мнению публикаторов, места документа. Однако,

8. *Богданова Л.* Радостное поприще. Б.М., 2014. С. 54.

9. *Федотов И.П.* Встать! Суд идет! М., 2006. С.73, 140.

10. Подробнее о жизни и служении И.П. Федотова см.: *Никольская Т.К.* Иван Петрович Федотов (пример биографии лидера)//Общие и специальные методы изучения лидерства. Спб.: СПБХУ, 2015. С. 161–172.

авторы руководствовались, прежде всего, моральными принципами: «Мы надеемся, что мы смогли достигнуть баланса между исторической точностью и чуткостью в отношении задействованных людей» (с. 38).

Действительно, при публикации документов по новейшей истории исследователю требуется особая деликатность, и нередко единственный выход — это сокращение текста. Например, в сборнике «История Свидетелей Иеговы (архивы КГБ)», подготовленном К.А. Бережко, часть уникальных документов послевоенного периода (как следственных, так и оперативных) из архивов КГБ Украины опубликована с сокращениями: из текстов убраны фамилии секретных агентов, а также детали и характеристики, которые позволили бы их «вычислить» (при этом все пропуски в публикациях указаны)[11]. Даже в сокращённом виде документы представляют огромную ценность, поскольку деятельность КГБ в отношении религиозных организаций остаётся пока «белым пятном».

Авторы рецензируемой книги подробно останавливаются на такой малоизученной теме, как участие женщин из евангельских общин в правозащитном движении. В книге представлены их письма и жалобы, записи судебных процессов над верующими, апологетические материалы в защиту христианства. Женщины, жёны и матери арестованных служителей, составляли Совет родственников узников ЕХБ, организованный в 1964 году и действовавший до конца 1980-х гг.

Особый интерес представляют литературные работы Аиды Скрипниковой, а также запись судебного процесса над ней. Аида Михайловна Скрипникова родилась в 1941 году в верующей семье, будучи молодой девушкой, приехала в г. Ленинград с Урала и поступила на работу в строительный трест[12]. В 1961 году она присоединилась к начавшемуся движению баптистов-инициативников в Ленинграде, участвовала в написании и распространении материалов религиозного и правозащитного характера[13]. Её стихи и полемические статьи активно распространялись в самиздате, передавались за рубеж.

11. *Бережко К.А.* История Свидетелей Иеговы (архивы КГБ). Феодосия: Тип. РА «Арт-Лайф», 2012.

12. *Сердобольская Л., Виступов Е.* Под прикрытием Евангелия. Л.: Лениздат, 1976. С. 118.

13. Подробнее об этом см.: *Никольская Т.К.* Русский протестантизм и государственная власть в 1905 — 1991 годах. Спб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С.207–208.

В 1968 году Аида Скрипникова была арестована и осуждена на 3 года ИТЛ за систематическое распространение материалов Совета Церквей (СЦ) ЕХБ, содержащих «заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй» (с. 186). Ранее она с группой девушек привлекалась к общественному суду за распространение листовок евангелизационного содержания (с. 172). Оставаясь рядовым членом церкви, Скрипникова приобрела за рубежом едва ли не большую известность, чем видные служители-мужчины. О ней писали книги, статьи, рассказывали в радиопередачах, тысячи верующих по всему миру молились за неё и выступали в её защиту. При этом личное бескорыстие А.М. Скрипниковой, её равнодушие к своим авторским правам иллюстрирует уже тот факт, что Н. Белякова и М. Добсон опубликовали её сочинения с разрешения Радио «Свобода»/Радио «Свободная Европа», хранящих материалы самиздата, а не самой писательницы или её родственников.

Судя по всему, Аида Скрипникова обладала литературными способностями, хотя не имела возможностей да, вероятно, и желания целенаправленно развивать их. В СССР существовала система литературных объединений (лито) для начинающих авторов, через которую прошли практически все будущие писатели. Однако в советское время в протестантской среде не приветствовалось стремление к профессиональной и творческой карьере. Кроме того, если бы девушка-баптистка и принесла в лито свои стихи о Боге, она в лучшем случае получила бы совет «сменить тему», а в худшем — насмешки, издевательства или даже сообщение о ней «куда следует». Можно сказать, что Скрипникова реализовала свой литературный дар настолько, насколько это было осуществимо для советского человека, открыто верующего в Бога. В этом смысле её творческая судьба необычна, хотя в евангельско-баптистской среде сочинение и распространение стихов на религиозную тему были распространённым явлением.

Не все утверждения авторов выглядят одинаково убедительно. Например, внеочередное донесение уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Днепропетровской области (1954 г.) вряд ли можно воспринимать только как пропагандистский «образ монстров-сектантов» (с. 127). В документе описан действительно странный случай: в селе Кулебовка, по требованию не-

кой «пророчицы», группа пятидесятников стала призывать смерть на женщину, обвинённую во лжи (с. 151–153). При этом уполномоченный получил информацию не из газет, а приватным образом. Он ознакомился с показаниями конкретных свидетелей и воздержался от выводов, сообщив, что только по окончании следствия, начатого органами МГБ, сможет представить «дополнительные данные». Конечно, детали истории явно нуждаются в проверке, однако, насколько можно судить по приведённому тексту, в целом она не была плодом фантазии советских пропагандистов. Между тем, авторы не приводят каких-либо объяснений, что же тогда произошло в действительности и почему опубликованный документ отображает именно пропагандистский «образ», а не реальный случай.

Не столько в качестве замечания, сколько пожелания хотелось бы увидеть больше внимания к проблеме женской идентичности. Так, лишь косвенно затронуты вопросы, поставленные авторами во введении: «Какими были установки насчёт замужества и материнства в общинах и как верующие женщины в советских реалиях создавали свои семьи» (с. 10). Темами для дальнейшего изучения остаются модели поведения «сестёр» из евангельских общин; вопросы о том, в какой мере происходил «отсев» девушек, женщин, не готовых принять строгие церковные правила или отказаться от брака с атеистом; и, наконец, кто всё же определял и корректировал эти правила (служители, старшее поколение женщин и т. д.), насколько это зависело от региональных традиций или «личного фактора».

Девушка, женщина, которая хотела бы сочетать веру в Бога с желанием нравиться мужчинам, модно одеваться, пользоваться украшениями и косметикой, ходить на танцы, недолго бы продержалась в протестантской общине советского времени, а скорее всего, вообще не была бы туда принята. Однако строгие правила и запреты отнюдь не означали равнодушия верующих к внешней красоте, нарядной одежде и аксессуарам. Особенно это касается 1960-х-1980-х гг., когда страна, наконец, выбралась из послевоенной разрухи, и «благосостояние трудящихся» заметно повысилось. Так, по воспоминаниям адвентистского служителя Н.А. Жукалюка, когда в 1964 году он приехал из сельской местности на служение в г. Львов, то многие верующие были разочарованы его скромным видом. Новый пастор сразу получил совет ку-

пить портфель, шляпу (вместо простой хозяйственной сумки и кепки) и «нормальный» костюм: «Правда, никто тогда не спросил, имею ли для этого достаточно средств». Не найдя даже квартиры, чтобы перевезти во Львов семью, он был вынужден спешно обновлять свой гардероб[14].

Если уж мужчина-служитель, глава общины, не смог добиться уважения единоверцев без нового костюма и шляпы, можно себе представить, каким было положение девушки, молодой женщины. Ей приходилось лавировать между вполне естественным желанием нравиться, привлечь внимание потенциальных женихов (при огромной «конкуренции») и обязанностью выполнять строго регламентированные правила внешнего вида и поведения. Понятно, что, несмотря на проповеди о «внутренней красоте» истинных христианок, мужчины и юноши при выборе невесты руководствовались, прежде всего, внешними впечатлениями. Хотя в книге эта тема и затрагивается (см., например, интервью Е. Числиной о её «походе» в парикмахерскую — с. 96), она явно нуждается в продолжении.

Безусловно, одного исследования недостаточно, чтобы ответить на все вопросы: как жили в советское время женщины из евангельских общин, в какой мере осознавали свою идентичность и место в окружающем мире, как строили быт, общение с людьми, как выбирали профессию, служение, какое значение в действительности имели семья, брак в системе ценностей русских протестантов, как на практике осуществлялись этапы создания семьи — от поиска спутника жизни до свадьбы, какие проблемы приходилось решать верующим семьям и т. д. Всё это нуждается в дальнейшем подробном изучении. Поэтому монографию Н. Беляковой и М. Добсон «Женщины в евангельских общинах...» можно назвать не только высокопрофессиональной работой, но и очень удачным началом масштабного исследования.

Татьяна Никольская

14. *Жукалюк Н.А.* Через крутые перевалы. Заокский: «Источник жизни», 2002. С. 191.